

Анатолий Николаевич Жуков (1931 – 2013), советский писатель, друг Н.Н. Благова

«КАК ХОРОШО, ЧТО ТЫ ЕСТЬ НА СВЕТЕ...»

Настоящая дружба связывала Николая Благова и Анатолия Жукова. Многолетняя переписка тому подтверждение. Незадолго до кончины Анатолий Николаевич передал копии благовских писем Ляле Ибрагимовне Благовой. Таким образом, удалось собрать переписку-диалог. Предлагаем вниманию читателей выдержки из этих писем. В них – дух времени, в них свидетельство широты души и силы таланта собеседников-писателей, в них и житейские подробности, и зримые приметы той далекой, но незабытой поры.

переписка Николая Благова и Анатолия Жукова
(Из архива Ляли Ибрагимовны Благовой)

Жуков – Благову, примерно начало шестидесятых годов, Ст. Майна.

Здравствуй, Коля!

Вот сейчас, вечером, вспоминая недавнюю встречу... я заново перечитал твои книжки стихов. И невольно подумалось: как еще трудно у нас большому и красивому таланту, как долго бродить ему со своими думами и как далеко еще Человеку до Поэта, до мироощущения поэтического. И, наверное, чем больше поэт, тем труднее ему.

Во мне осталось впечатление встречи именно с большим поэтом, с таким, каких я представлял по их беспокойным, ищущим стихам, в которых бьется вся их жизнь.

Прочитал твою первую книжку и почувствовал, что ты ощупываешь землю голой ногой. Читая вторую, думал: пойдет ли он босиком и дальше, как Есенин, или выберет себе подходящие по размеру ботинки, чтобы и ног не наколоть и не простудиться по плохой погоде. При чтении не мог обнаружить школу. Впрочем, хороший стих теряет признаки школы, как известно. Чья школа – не определил, но имен вспомнилось много. Вспомнился Некрасов (есть его народность), Кольцов вспомнился по здоровому, природному дыханию стиха. Есенин – по искренности, обнаженности (безжалостной) чувств. Лермонтов... Его лирика не близкая родня твоей. Да и не такая уж чужая. У Пушкина больше широты и свободы стиха и гражданственности больше. Разносторонней он. Вспомнился еще из отечественных – Бунин, но не поэт – Бунин, а Бунин – прозаик. У него в прозе мазки по объемности и яркости такие же, как у тебя стихах. Все видишь, ощущаешь, даже запахи. Проза у него отличная! И еще вспомнился Толстой, Лев. Тот ворочал образы до тех пор, пока они его самого не обругают, то есть не начнут с ним, вдохнувшим в них жизнь, борьбу... У тебя тоже склонность ворочать образ до галлюцинаций. В стихах это, наверное, труднее. А вот, поди-ты, – ворочаешь. Вспомнился еще Павел Васильев с его жадно дышащими (за пятерых) ноздрями. Была в нем порода, крепкая порода. И стихи породистые.

И еще одно, последнее имя: Николай Благов. Босиком ли он идет, чувствуя каждую кочку, или в ботинках, я не знаю. Но думаю, что если босиком, то кожа (даже на пятках) у него еще не задубела, а если в бо-

тинках, то они ему жмут ноги, и он думает на первом же привале надеть обувь попросторней (а может и не думает...).

Радует то, что есть Николай Благов! В этом идущем Благове мне по душе хрустящая, поспевающая сочность, редкая живопись, красота чувства и сила.

(Не выдержал я образ-то, сбился). Из твоих стихов я люблю «Старый пароход», «Клад», «Чуть проснешься – постель горяча», «От солнца никогда не загорая», «Уговор», «Безбилетник», «Сроки», «Песня полозьев», «Туча», «Возвращение» и еще многие. И «Волга» нравится.

...Скажу еще тебе по секрету. Стихи я бросил писать, прочитав твой второй сборник. Прочитал, сравнил свои – и бросил. И правильно сделал: сейчас уже не тянет. Читать стихи люблю, а писать стыдно. Прозу еще кропаю, но если так получится, брошу. Буду писать корреспонденции да учить ленивого расейского мужика сажать картошку и сеять жито. Авось оценит мое радение.

Весна приближается. Вечера особенно хороши. Ледок под ногой крошится со звоном, как стекло, и воздух сиреневый. Ты приехал бы как-нибудь денька на два, под воскресенье. Времени не будет, по заданию редакции приезжай.

Ну, извини за многословие. Будь здоров и благополучен (если можешь). Привет жене и малышу. Анатолий.

Старая Майна, ул. Карла Маркса д. 8, кв. 1.

Жуков – Благову, март 1968. Москва

Будь здоров, Коля!

Очень рад был твоему письму и новостям.

Здесь ничего вроде нет значительного, а может, я просто не знаю. Как-то мимо меня проходят и хорошие новости, и новые анекдоты. Недавно слышал один (наверно знаешь):

– Хватит вам работать, Владимир Ильич! Отдохнуть надо. Давайте возьмем пароходик, девочек и – на Волгу, а?

– Правильно, Алексей Максимович, верно! Именно пароходик, именно девочек, а не каких-то проституток, вроде Каменева и Зиновьева!

...Это здорово, что ты подготовился к весне. Рыбалка – роскошь, доступная не каждому москвичу, тем более такими современными средствами, как у тебя.

И Волга под боком.

Не читал поэму С. Викулова «Окнами на зарю» в одном из последних номеров «Октября»? Пухов (наш критик), когда я указал на тебя как на источник этой поэмы, не удивился и сказал, что вполне возможно: Николай Благов поэт своеобразный и в перспективе большой, неудивительно, что «делают под него». Жаль только, что он молчит, а поэты слабее берут его походку, взгляд, голос и даже темы. Могут растаскать, что он сделал. Мне кажется, здесь какая-то правда есть. О деревне, которую затронул Викулов, ты мог бы дать большую вещь, вещь сейчас до зарезу нужную, прямо необходимую(...)

Здесь «деревенский вопрос» сейчас обсуждается противоречиво, иногда с болью и недоумением, иногда с меццанской ухмылочкой. Вслух говорит (с известной оглядкой), пожалуй, только «Новый мир». В «Октябре» старая трепотня, «Знамя» недавно дало повесть Г. Воробьева «Село мое родное» – лживую до бесстыдства – дрянь – другие отделяются мелочишкой. У нас в институте лекции по истмату и политекономии начинаются и кончаются спорами о деревне, иногда бестолковыми, но всегда горячими и искренними.

Ляля кланяюсь. Дай ей боже здоровья! Молодчина большая она, с размахом.

Ну, до свидания, Бог даст, свидимся летом, а может на май. Хорошо бы посидеть рядом на берегу, помолчать о чем-нибудь ласковым.

С приветом Анатолий.

У нас здесь сыро и душно от дыма и шума. Сны видятся идиотские. Вчера говорил с президентом Алжира Бен Беллой о строительстве социализма. Президент был босой и просил меня приехать в Алжир, потому что у них 6 млн вдов, а мужчин нет и социализм строить не с кем. А дня три назад привиделась заводская труба в шляпе, подпоясанная не то вожжами, не то пеньковым канатом. Труба пела «ах вы, сени, мои сени» и приплясывала. Не знаешь к чему?

Благов – Жукову 03.06.1968

Толя, здравствуй!

Хорошие у тебя книжки вышли! Особенно последний и первый рассказы. Да и все они разные и хорошие. Написал я о ней рецензию, Дедюхин говорил, что послал ее тебе. Потому не посылаю. Трудно было написать, <вчитавшись?> в «Ульяновскую правду», говоря обо всем на полутонах. Пролегала она в редакции полтора месяца. Все вплоть до Воронцова отругали меня за нее, один Дедюхин, кажется, доволен. Я не вижу в ней вывихов, есть неизбежная недоговоренность.

Но дело не в ней, а в книжке. А книжка может соперничать с прозой нынешнего переднего края. Прочитал я как-то залпом твою книжку, В. Белова, В. Астафьева – не пришипились в этом ряду.

Надо тебе, Толя, всю поденицину бросить к черту и засесть, утонуть по уши в свои замыслы. Ведь если не родишь, когда срок пришел, так сам умрешь. Все у тебя, чувствуется, назрело, неотложного ... просит. Как то говорю я сбивчиво, но суть, думаю, ясна.

Пишу тебе спешно. Завтра уезжаю с Мишкой в Коктебель – поездом через Волгоград. Хотел ехать

через Москву, да Рябинин сказал, что ты в Куйбышеве сына в армию провожаешь (сестра ему твоя сказала). Думаю заехать на обратном пути. Будешь ли ты дома? Это 1-го и 2-го июля? Я тебе напишу еще. Стихов новых послать не смог, т. к. их нет. Три месяца уже я постничаю и только начал приходить в себя. Можно сказать, пришел. Прочитал уйму книжек. Еще съездить надо после крымского берега в свою деревню, чтобы все заново наполнилось. Не каюсь я, Толя, что пьянствовал. Неизбежно это. Хорошо, что спохватился и все перемог. Видно такова судьба нашего брата, полумужика, в наше время. Ведь всех почти один мастер выкраивал, учил и обманывал. И ставил указатель «жениться на царевне» на той дороге, на которой следовало ставить «убитую быти».

Едем мы вместе с Рябининым. Ты знаешь, он без ума от твоей книжки. Нет, он толковый мужик. Напрасно ты на него. Я никогда не видел его в таком восторге.

Но «Опоздавший пассажир» – все-таки на более низком уровне написан, по-моему. Это ведь старый рассказ. И я только его и знал. А ты и не показывал, хитрун. Ладно.

А моей книжки все нет. Вообще-то и не больно она нужна мне, но надо ведь увидеть, чтобы окончательно отделаться от старья. И получить оставшиеся деньги, чтобы выбирать по коню борозду. Жму тебе руку, обнимаю и поздравляю запоздало с отличной книжкой (и у ней есть недостаток – гонорару мало принесла тебе).

Поклон твоим домочадцам и Романовскому (а хороша концовка у его рассказа в «Литературной России», тоже мужик расправляет плечи).

Слушай, и Астафьева что-то я без восторга, или он староват. Правдиво, но скучновато. Без избытка и озорства. Какая-то робость в нем, взнузданность и осмотрительность.

Извини за сумбур. Доброго всего. 3.VI.68 г.

Н. Благов

Жуков – Благову 03.07.1968

Дорогой Коля!

Вот уж третий день июля на исходе – значит, ты сюда не заглянешь, поэтому пишу.

Спасибо тебе за добрые слова. Смущен я ими был, но, грешен, читал газетную вырезку не один раз, а потом пришло письмо и его держу под руками: станет муторно, плохо – перечитаю. Наизусть выучил за этот месяц.

Здесь душно, жарко, много суеты, к концу дня совсем выдыхаешься и приезжаешь с работы раздавленный и с осознанием, что завтра опять надо ехать. Опостылела мне эта московская маята, к которой я так тянулся – не к маяте, конечно, тянулся, а получается так.

Я понял твою статью как аванс, причем большой аванс, который я был бы счастлив отработать. Не знаю, хватит ли сил. Ты давно меня вот так поддерживаешь, так давно, что уж пора бы начать платить, а я все барахтаюсь в своем житейском дерьме, все служу за кусок хлеба – наплодил... Не знаю, Коля. Может и правы те знакомые и Воронцов, которые ругали тебя

за статью, скорее всего, что правы. Только мне хочется, чтобы прав оказался ты. В моих это интересах.

И насчет того, что накопилось во мне, созрело кое-что, ты тоже прав. Вот думаю, как бы мне хоть на один год уйти с работы, со службы – не помню уж, когда я не работал, – всю жизнь. Наверно я и не смогу без работы, привык. Лошадей вон выпустят на волю вместе с жеребятами, они, глядя на жеребят, пустятся скакать по траве и нелепо у них получается, смешно и они сами чувствуют эту нелепость своих скачков и взбрыкивают, и затихают, повалиются и со вздохом начинают щипать траву. Не получается у них веселья – после хомута.

Понятно, что не пустого скакания по траве мне надо, но как то непривычно, боязно, особенно когда за спиной дети и они требуют корма. Все же что-то надо делать, надо решаться.

Книжку твою видел («Имя Твое» – Е.К.) – Сорокин приносил показать, ему из Саратова прислали – современная, оформлена неплохо, но могли бы и лучше. Художник не чувствует стихов, воспринимает лишь зрительную или зримую часть, да и то поверхностно.

И формат этот... мне не по душе. Надо было делать однотомник, а они обрезали как блокнот – широкая и толстая, как подставка под утюг. Где были у них глаза только. Но все же книга хорошая: я успел перелистать и много неизвестных мне стихов и обрадовался знакомым мне стихам. Хорошо сделана разбивка циклов строчками, – твоими же – которые поставлены вроде эпиграфов, что ли, рефренов ли. Особенно сильно звучит первый – о четырех частях света с одной котомкой в головах. Страшные строчки. Жутковато от такой правды и радостно от мужества слышать эту правду. Ты сумел ее сказать: стихотворения, вся книга подтверждает это.

Не знаю, когда она придет сюда. Я напишу Дине Гусевой, чтобы прислала экземпляров пять. Книга должна вызвать большую критику, широкую. Они (критики) изголодались в поисках настоящего, весомого, они пошумят. Как ты отдохнул? Я ждал письма, да что-то, видно, тебе помешало. Осенью, может быть, повидаемся. Очень бы хорошо повидаться.

Новостей особых нет. В «Нашем современнике» пойдет (в №8) моя маленькая, на 2,5 листа, повестушка «Под колесами». Написана в институте еще, пять лет назад. Еще две такие же по размеру есть, но пока лежат, не идут. Особого значения для меня они не имеют, пробы, подступы к большой вещи, которую хотелось бы начать. Не знаю, начну ли.

Ну вроде все. Лягу спать: завтра к 9 час. надо быть в комс. конторе – туда новый секр. ЦК приглашает учителей со съезда. Не хочется мне: всегда я считал ненужной организацией, а вот работаю в их органе. Правильно мать мне говорила: «Горд ты будешь, Натолый, лук ты любил, зеленый лук. От титьки как отняла, и втемяшился тебе этот лук. Давишься, слезы по щекам текут, а ты ешь и ешь, как голодный».

Ляле передавай поклон. У меня к ней какой-то бережное чувство – как к сестре. И ровное, постоянное. Хорошая она.

Обнимаю тебя, Анатолий.

Благов – Жукову 19.06.1970

Дорогой Толя!

Говорил Г. Коновалову, чтобы дал рекомендацию тебе. Оказывается, он не имеет права: секретарь. Но всполошился, говорит, что любит тебя. Всегда готов постоять горой. Если тебе нужна моя рекомендация, черкни два слова, сразу же вышлю. Я все-таки думаю, что у тебя есть более могучие дружинники. В Саратове пока без квартиры. Но деловом смысле все нормально. Стихов пошло много. Есть и хорошие. А из Ульяновска (из Мелекесса) привез одну совершенно выходящую из привычных границ поэтессу.

Рецензия на книжку будет. Правда, сейчас не зав. отд. критики, но тут тебя все любят.

Натиши сразу же: нужна ли рекомендация.

Да! Святым я стал. В Ярославле перед храмом зарок дал – не брать в рот. И свежо, хорошио стало. Люблю и скучаю.

Твой Николай.

Жуков – Благову 07.07.1970

Дорогой Коля!

Очень рад был твоему письмецу, привету. И особенно тому, что стихи пошли хорошие, что обстановка у тебя изменилась. После ульяновской заводи и недоевших «физий», тебе, наверно, легче дышится, хотя Саратов и пыльный город. У меня такое впечатление, будто побывал на мельнице. А люди там хорошие – и в журнале, и в издательстве. Во всяком случае для меня. Сколько я там не был, всегда встречал приветливейшее любопытство, не в пример московскому рыночно-оценочному и бесцеремонному.

И талантливые работники там есть, не говоря уж о Григории Ивановиче. За рекомендацию в члены – спасибо. Жаль, что она будет недействительной. Мне так хотелось иметь поручительство не чужих людей, а дорогих мне и знающих меня. В секции прозы Моск. отд. СП мне сказали, что нужны рекомендации прозаиков и желательно московских, поскольку вступаю я буду здесь. Но дело это по причине каникулярного времени отложено на осень и я не тороплюсь.

Из здешних писателей мне обещали рекомендации П. Проскурин, В. Полторацкий и А. Ткаченко (этот уже прислал).

Новостей особых нет. Работаю я плохо, все что-то мешает. Написал я в этом году три рассказа, все три можно печатать, но только один из них хороший. <) То есть такой, который самому нравится.

Время бы мне выкроить хотя бы с год без постоянной работы – пописал бы всласть.

А ты что-то ни словом не обмолвился насчет трех рассказов, которые я тебе посылал. Видно, не понравились. Один, правда, там головной, но два другие вполне на уровне и их можно бы напечатать: «Жил был Курьель-Мурьель» и «К другу за спичками».

Вот вроде и все. Дедюхин прислал письмо с описанием своего с Ц.М. вояжа на юг. Бодрое такое, бойкое письмо. Любит он ездить. Почему?

Я весь июнь удил карасей в деревне на Оке, где Валя изучает в экспедиции разную съедобную (для скота) траву. Теперь вот она уедет на Кавказ недели на две, а я дома примусь за рассказ.

Ну, будь здоров, дорогой мой, и благополучен.

Поклон Коновалову, Саратову, Волге. Ты, наверное, купаешься каждый день? Купайся!

Обнимаю Анатолий.

7/VII-70 г.

Я тебе дано обещал четырех поэтов в миниатюрном блочном издании румын: Есенина, Маяковского, Лермонтова, Пушкина – нынче высылаю.

Благов – Жукову 07.08.1970

Дорогой Толя!

Прочитал рассказы. Первый о старике с песней – чудо. И как это редко бывает – весь ты сливаешься с рассказчиком. Сидишь так с улыбочкой грустноватой и ожидающей что-то от мира. Второй рассказ о жене-б...ще – просто очень хороший по содержанию рассказ, а по композиции – шедевр. Третий рассказ, где школьники разноухивают, чем деды пахнут, мне показался сырым, что-то в нем не допелось, хоть и в нем ты умный как всегда. О чем-то недоговорено, а договорить бы, хоть намеком, надо. Много учеников – теряются они, а старик тот и другой, особенно тот, который с саблей, вроде бы не проснулись, чтобы задыхать так естественно, как обычно в твоих рассказах.

Дала мне рассказы Г. Ширяева, зав. отд. прозы. <> Она, Галя Ширяева, так же думает о рассказах, как и я. А я горой буду за два первых рассказа.

Спасибо за книги! Хорошо они пахнут, и по размеру как раз для меня бесквартирного. Скоро, бог даст, свидимся. Вызывают меня на разбор в СП РСФСР. На сентябрь. Вот нынче книги услал. Да прошу, чтоб отсрочили малость. Ведь надо бы что-то приготовить и из нового урожая.

Книжку мою – ту поэму, которую у меня в Саратове уже сверстали для отдельного издания, – зарезали в Госкомитете. Бестолковую рецензию написал какой-то Дашин. Зам. пред., кажется. Надо им было зарезать. А я даже успокоился. Баба с воза – лошади легче, как Романовский говорит (но не следует этому правилу). Слава богу, – как мужик-то говорит, когда у него из-под ж...ты тулуп выдернут, – теперь станцию не просплю.

Приеду скоро. Наговориться надо. Выпивать-то я бросил... Надолго это: что-то машинка совсем разбултыхалась, а вот сейчас стал даже забывать про нее.

Обнимаю тебя и скучаю.

Твой Н. Благов.

4.VIII 70.

Благов – Жукову 21.01.1971

Дорогой Толя!

Не было меня в «Волге» чуть не три месяца. Пришел вот, а Ширяева (зав. отд. прозы) в отпуске. Что с рассказами – никто не знает. Через неделю она выходит. Напишу я тебе. Что и как. Стол я у нее перерыл, рассказов не нашел.

Дадим – как выйдет Ширяева – Шундику, если он еще не читал. Напишу сразу.

Живу рассеяно, устало, безлюдно. Калякаю с одним Коноваловым. Квартиры нет пока. А скорей всего тянут будут еще долгонько. А мне скучно станет, особенно весной-то. Кабы не наладить мигом обратно. Провалиться в какую-нибудь про-рубь. И под лед. Сил нет. Тоска. Писать не умею.

Может быть, в феврале приеду в Москву. Найду

тебя. В крайнем случае – в марте. Извини, Толя, я ведь думал, что рассказы уже приняты. Я даже и не сомневался. И не тревожился.

Обнимаю, твой Николай.

21.I.71

Благов – Жукову 03.05.1972

Дорогой Толя!

С ликованием великим, с радостью небывалой встретил я весточку от С. Романовского о том, что настиг ты меня по мужичьей части, что четвертый у тебя родился, да – сын! Милый, отныне отошла твоя пора подсмеиваться надо мной. Бывало, у тебя в глазах-то бесы со свечами прыгали, когда разговор заходил о семье моей. Ну – молодец! Валю не забудь от меня поздравить. За это сразу ей надо диплом доктора наук вручить.

И с другим тебя надо поздравить: слышал я, что стал ты замом, что ли, ниглавнейшим.

Все – слава богу!

Так хочется повидаться! Два года почти мытарил без квартиры. Следовательно, без хорошей работы. Две недели назад получил. Три комнаты, в центре. Волгу широко видно. 9-й этаж.<...>

До лета буду жить один.

В мае буду в Москве. Вызывают на секретариат СП РСФСР. Мужики – В. Федоров, С. Орлов и др., как сообщили мне, возмутились заметкой в «ЛГ». Надеюсь привезти новую поэму. Написана она вчерне еще в прошлом году, да все не дается пока, ладно...

Рассказы твои я по-всякому пробивал. Один из них долго лежал на столе у Шундика... На повесть твою – Коркина сказала мне – наихвалебнейшую рецензию написала Винникова. Зав. еще не читал. Прочтет на неделе – напишу.

Привет от В. Коркиной и Д. Гусевой (говорят: «Все-таки мы его-то книжку делали». Ох, то-то бабы!..) Приеду. Найду тебя. Главное – поздравляю! Твой Н. Благов.

3.IV.72.

Благов – Жукову 16.01.1975

Дорогой Толя!

Присылай роман немедленно. У меня уже засало внутри от предвкушения новой встречи. Мне вообще нравится твое письмо, всегда на редкость естественное умное и подлинное без надоевшего умничания нынешнего и проч., и проч. Я уже слышал о твоём решении – говорил Сорокин, что ты сдал его в «Современник». Напиши, не сдал ли ты его куда-нибудь в журнал. Может быть, согласишься в «Волгу»? Если бы ты его выслал мне сразу же.

В начале февраля я думаю уехать дней на десять в командировку – может быть, и к тебе заглянул бы, чтобы поговорить хоть досыта.

Попал я, Толя, в Саратовскую ловушку. Квартиру дали маленькую, Мишка учится в Ульяновске в с/х институте, будто здесь нет такого же, мать в деревне одна беспомощная, пишет: «Не дайте умереть, как бездомной собаке», – а в квартиру все просто не втиснемся – 42 м², а маме надо отдельную комнату – совсем плохая. Я ведь чуть было не уехал обратно в Ульяновск. Уже договорился со Скочиловым и Сверкаловым о новой квартире и о работе секретарем пис. орг. Так Шундик с Конова-